

Самусенко

Галина Валентиновна

Родилась 10 апреля 1958 г.
в городе Коломна.

В 1980 г. закончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Работала инженером ОГЭ

Коломенского тепловозостроительного завода, преподавателем курсовой сети Монинского гарнизонного Дома Офицеров, техником Коломенского УЭС. В настоящее время работает в «МАП №2 Автоколонна 1417» филиал ГУП МО «Мострансавто» начальником колонны кондукторов автобусов городского и пригородного сообщения.

Увлекается живописью и изготовлением кукол в технике скульптурного текстиля.

Член Союза писателей России.

Является автором сборников «Живые картинки» (2011 г.), «На скамейке у старой стены» (2013 г.), «Незамысловатые сюжеты» (2014 г.)

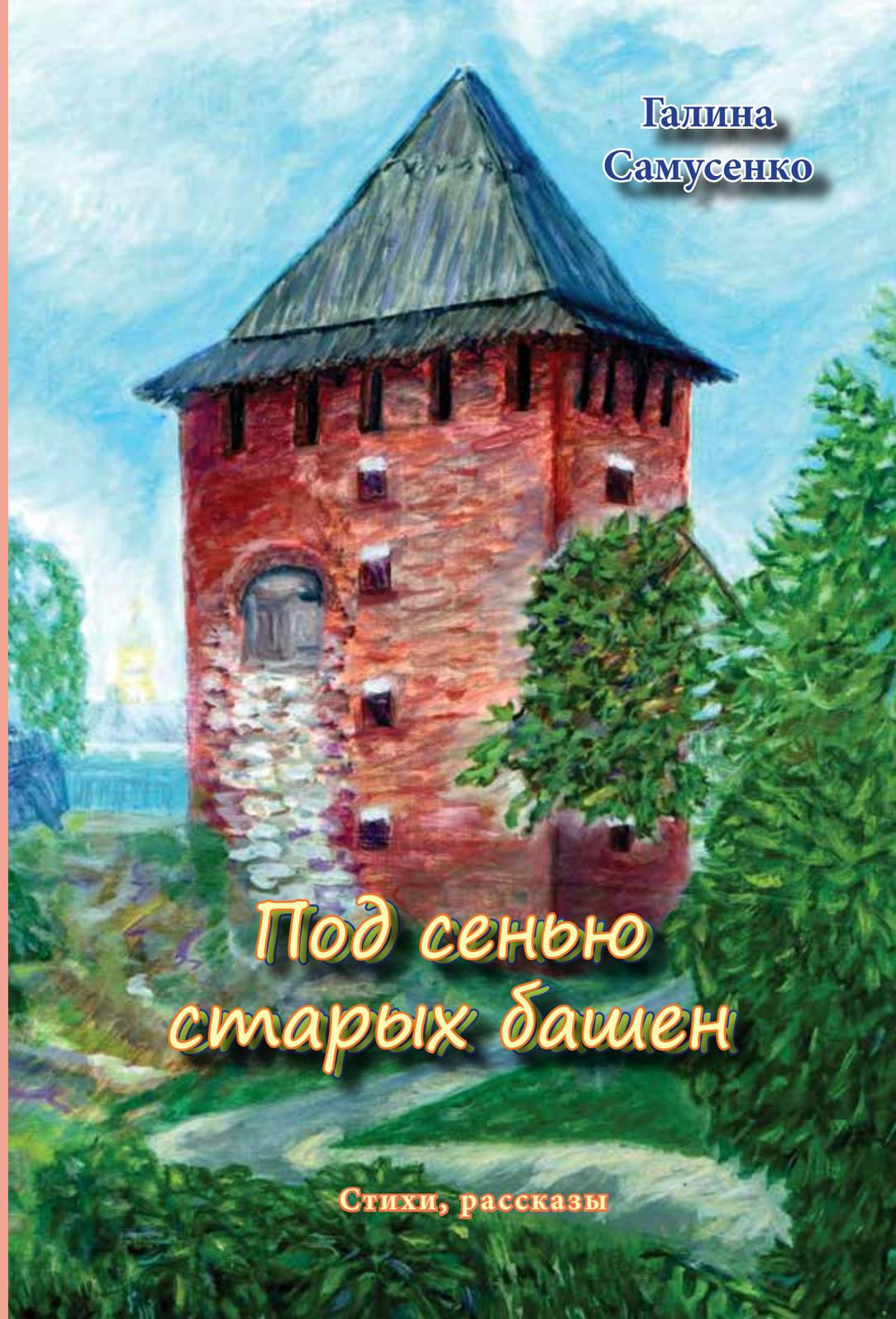
Стихи публиковались в литературном ежегоднике «Коломенский альманах», международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь», международном литературном журнале «Союз писателей» и различных поэтических сборниках. Рассказы публиковались в международном литературном журнале «Страна Озарение».

ISBN 978-5-906438-97-3

9 785906 438973

Галина
Самусенко

Под сенью
старых башен

Стихи, рассказы

Галина Самусенко

Под сенью старых башен

Стихотворения, рассказы

Коломна
СЕРЕБРО СЛОВ
2015

УДК 821.161.1-3Самусенко

ББК 84(2Рос = Рус)6-4

С17

ISBN 978-5-906800-02-2

Галина Валентиновна Самусенко.

Под сенью старых башен. *Стихотворения, рассказы* –
Коломна: Издательство «Серебро Слов», 2015. – 56 с.

Автор выражает огромную благодарность своему учителю –
замечательному коломенскому поэту
Евгению Александровичу Кирсанову,
коломенскому прозаику
Алексею Николаевичу Курганову,
руководителю воскресенского ЛИТО «Радуга»
Леониду Анфиногеновичу Дугину,
Издательству «Серебро слов» в лице
Сергея Сергеевича Антипова
и *Дениса Викторовича Минаева*
и всем своим друзьям за помощь и поддержку
при создании этой книги.

В оформлении обложки использована репродукция
с картины Галины Самусенко
«Башня».

Поэзия точного зрения

Воспоминания поэта отличаются от просто воспомина-
ний так же, как фотография от акварели. Выраженные сти-
хами, они – уже произведение искусства. Интересны они
будут, если поэт и читатель душевно близки.

Новый сборник Галины Самусенко начинается с воспо-
минаний и размышлений, лирически преобразованного
опыта жизни. Они погружают в прошлое, *«где все молоды,*
счастливы, живы, и ещё не накрыло их жизни той, Великой,
войной».

«Как вольно дышится под сенью старых башен» – это
о моём городе Коломне. Стихи о близком и родном.

Поэзия точного зрения может быть и гражданской, и ли-
рической. Как же без стихов о любви? И звучит в них груст-
ная ирония начала двадцать первого века.

Как и в предшествующих книгах – вечная тема приро-
ды, редкая у современных профессиональных поэтов. Под-
московная природа представлена сочно, ярко и правдиво.

А хорошие стихи о природе – всегда и о природе челове-
ческой души.

А душа просит поэзии!

Евгений Кирсанов

© Самусенко Г.В., Коломна, 2015

© Минаев Д.В., обложка, 2015

© Серебро Слов, 2015

Жить по совести, или О простоте ответов

В новом сборнике Галины Самусенко — пять прозаических текстов. Четыре из них («Лотерейный билет», «Неожиданная встреча», «Поездка», «Светочка») это скорее не рассказы, а миниатюры-зарисовки о самых разных бытовых ситуациях. А ситуации эти — простые, и думаю, что не ошибусь, если назову их банальными: мужик любит деньги больше всего на свете («Лотерейный билет») и, узнав, что за тридцать копеек мог бы выиграть «Волгу», получает сердечный приступ. Второй сюжет («Неожиданная встреча»): два мужика пошли на охоту. Один искупался, вылез и не успел одеться, как почти что нос к носу столкнулся со здоровенным лосём. «Поездка»: мужик случайно проехал свою остановку. Домашние встревожились и обвинили в этом кондукторшу автобуса. Мужик, узнав о том, что пострадал невиновный человек, расстроился и умер. «Светочка» — повествование о неисправимой склочнице и кляузнице.

Рассказал вам фабулы этих текстов с единственной целью: подтвердить, что ничего «заумного» в них нет. Да и слава, как говорится, Богу! Вспомнились слова Марины Цветаевой: «*в диалоге с жизнью важен не её вопрос, а твой ответ*». А ведь ответ, если речь идёт о жизненной ситуации НЕ ВЫДУМАННОЙ, не «притянутой за уши» для создания «красивости», всегда ПРОСТОЙ, и заключается он в одной-единственной фразе: «ЖИВИТЕ ПО СОВЕСТИ». Вот и всё. В этом совершенно немудрёном совете и заключается вся житейская философия. Любишь до смерти деньги? С этой любовью долго не прожить. Испугался мужик на охоте лося — и что из этого? На охоту, что ли, больше не ходить? Ерунда какая... Одного человека незаслуженно обидели, а у другого из-за этого остановилось сердце. Бывает такое? Бывает. У совестливых. Правда, понятие это — «совесть» — сегодня считается чуть ли не смешным анахронизмом... Склошницы и кляузницы исправляются? Хотелось бы ответить положительно, но вы сами-то верите в такое исправление? Я — нет.

Горбатого, как говорится, только могила исправит.

Вот об этом вышеназванные миниатюры Самусенко. О простоте ответов. Об их порядочности и чистоплотности (да-да, даже в кляузнице «Светочке»!). Автор этими миниатюрами говорит: вот такая она, жизнь-то. Без всех тех «заумностей», которыми нас сегодня «закормили» и газеты, и журналы, и радио с телевидением. Живите проще!

А вот текст «Размышления о портрете» стоит в представленном в сборнике прозаическом ряду особняком. Это своего рода культурологически-историческое эссе о портрете основоположника отечественного романа, нашего земляка-коломенца И. И. Лажечникова. Скорее всего, речь идёт о полотне замечательного, сегодня практически забытого художника Алексея Васильевича Тыранова, человека с даже не сложной, а откровенно грустной, если не сказать — трагической, судьбой. Окончил Академию Художества с золотой медалью, как тогда говорили, «первого достоинства», ученик САМОГО (!) Карла Брюллова — а известен, пожалуй, только лишь портретами Ивана Айвазовского, некоторыми работами на «итальянскую» тему и вышеназванным портретом Лажечникова. Тыранов — типичный представитель школы русского камерного портрета, умеренно сентиментальный, «поклонник законченных форм». Да, не Боровиковский и не Венецианов, но всё одно перспективный и многообещающий — а умер в нищете и забвении, не имея даже собственного жилья. Есть в нём что-то от Аркадия, «тупейного художника» из известного рассказа Лескова. Может быть, смысл судьбы?

Впрочем, текст Самусенко не об этом. Да, Лажечников был популярен в дореволюционной России, поэтому и его тырановский портрет считался чуть ли не непременно атрибутом каждой интеллигентной (или претендующей на интеллигентность) российской семьи. Увы, сегодня Лажечников не в моде (или, как теперь говорят, «не в тренде»). Остаётся надеяться лишь на то, что эта самая мода — девка ветреная и поведения непредсказуемого. Так что не стоит

придавать ей серьёзного значения! А Лажечников был, есть и будет. Его произведения важнее всяких дурацких «трендов». Это — главное. Это — ИСТИНА.

И в заключение несколько слов о самом языке изложения прозаических текстов Самусенко. Чехов говорил: «*Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен*». Я повторю: «*Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен*». Проза Самусенко написана именно таким языком — простым и изящным. Именно поэтому её тексты **читаемы** и **воспринимаемы** (а это редкость по нынешним «заумным» временам).

Желаю Галине новых творческих успехов. А они будут. Уверен.

Алексей Курганов

МОЕЙ БАБУШКЕ

Я не видела деда.

Меня не было вовсе на свете,
когда пуля сразила его на излёте.
Он погиб в 43-ем.

Такой молодой на портрете...
Воевал он в пехоте,
да, в самой обычной пехоте.

А вдове — тридцать два,
а девчонкам — двенадцать, пятнадцать.
Что же делать теперь?

Надо как-то с детьми выживать.
Всё на рынок снесла
то, что в доме сумело остаться,
да и было немного,
и нечего больше продать.

Были хлебные карточки —
самая главная ценность,
но украли и их
в равнодушной, голодной толпе.

Может, петлю на шею
и кануть в прохладную вечность?
Только детские руки удержали её на земле.
А потом — вдовый век.

Хоть ещё молода и красива,
замуж вновь не пошла.

Так и быть ей до срока одной.
И осталось лишь фото,

где все молоды, счастливы, живы,
и ещё не накрыло их жизни
той,

Великой,
войной.

ПАМЯТЬ

Память странная штука —
 то не вспомнишь, что было вчера,
 то вдруг выплывет то,
 что случилось давно и далёко
 и совсем не со мной.
 Чьи-то лица —
 как будто родные? —
 в ночи у костра,
 чей-то голос знакомый,
 звучащий во тьме одиноко.
 Иногда вижу косы
 под стареньким
 тёмным платком.
 Вспоминаю девчущку
 и хлебные крошки в ладошке.
 И бревенчатый, старый,
 живущий надеждою дом,
 и в печи чугунок
 обжигающей руки картошки.
 А ещё похоронку.
 Потухшие в горе глаза,
 помертвевшие губы —
 лицо, точно список иконы.
 Щёки, белые в мел —
 их ещё не омыла слеза.
 Тишину на разрыв,
 словно нить,
 от невольного стоны...
 Это было когда-то давно
 и совсем не со мной.
 Отчего же я помню
 до самых мельчайших отметин
 похоронки листок,
 что держала дрожащей рукой,

как испуганно-тихо,
 потерянно плакали дети...
 Память странная штука —
 то ласкает, то жжётся огнём,
 вызывая из прошлого
 в Лету ушедшие тени.
 Мы дорогами
 памяти предков
 по жизни идём,
 ставим вехи на них
 для идущих вослед поколений.

Тихо снег засыпает
 озябшую стылую землю.
 Лёгким пухом кружится
 над колкой увядшей травой.
 Я стою возле церкви,
 космической вечности внемлю.
 И вздымаются ввысь
 купола над моей головой.
 Все дороги расчищены к Храму.
 И, тьму разгоняя,
 золотятся огни,
 освещают святыню в ночи.

Отчего же судьба
 у России такая лихая?
 Но молчат небеса...
 Высоко...
 И кричи,
 не кричи...

НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

Одурающе пахнет
 стомлѐнной под солнцем травой.
 Золотые метѐлки колышутся возле лица.
 Ширь речная лежит,
 отливая вдали синевою,
 а у шири небесной
 не видно за дымкой конца.
 Ветерком гонит прочь
 облаков островочки седые
 и колышет верхушки
 склонѐнных прибрежных кустов.
 Опустился туман,
 берега укрывая речные,
 и парят невесомо
 в тумане пролѐты мостов.
 Здесь звенели когда-то
 лихие татарские стрелы,
 и копыто коня
 упиралось в цветущую твердь.
 Наши предки вставали
 на защиту родимых пределов,
 и к Отчизне любовь
 помогала врага одолеть.
 Здесь князь Дмитрий решил
 дать достойный ответ супостату,
 заслонить от позора
 любимый отеческий кров.
 Громко ржанье коней
 разносилось над полем когда-то,
 глухо бились рыдания
 сырых калеченных вдов.
 А теперь
 дышит мирным покоем
 залитая солнцем округа,

набегают беспечно
 озорная волна на песок.
 Только вдруг показалось:
 по краю широкого луга
 проскакал на коне
 в древнерусских доспехах седок.

ОФИЦЕРУ РАЗВЕДКИ

По-моему, ты перепутал век.
 Тебе бы кивер, ментик да рейтузы.
 Клянусь,
 гусарам не был бы обузой
 рискованный, но расчѐтливый стратег.
 Ты был бы бесшабашен там и пьян.
 И дрался бы за честь прекрасной дамы.

В двадцатом — тропы горные Афгана
 и терских «гребней» гибельный туман.
 На грудь не доломан — бронезжилет.
 Взамен рубахи — рваная тельняшка.
 «Калаш» надёжней сабли или пашки.
 А в рюкзаке — тройной боекомплект.

Ты что же, перепутал век опять?
 Спустился с гор и сгинул век двадцатый.
 Хотя... и в двадцать первом автоматы
 молчать не могут.
 Значит, воевать?

А может,
 ты не путал ничего?
 И форма на плечах к лицу любая.
 И каждый век тебя своим считает.
 А ты — его.

В КОЛОМЕНСКОМ КРЕМЛЕ

Как вольно дышится
 под сенью старых башен,
 под свежим ветерком с Москвы-реки.
 Жемчужно-серым горизонт окрашен.
 И небеса, как воды, глубоки.

Гляжу окрест я с берега крутого,
 и мнится — за Бобрневым мостом
 проходит войско Дмитрия Донского —
 гигантский змей с чешуйчатым хвостом.

Усталые обветренные лица.
 Уста молчат — порой не нужно слов.
 Живыми довелось им возвратиться
 к порогу отчому под свой родимый кров.

Скрипят телеги... Запах пыли, пота...
 Переполох на улочках глухих...
 Окованные крепкие ворота
 с молитвой отворяются для них...

Видение исчезло...

Эко диво!

Травой поросший дремлет косогор.
 Оглядывает площадь горделиво
 Успенский белокаменный собор.

И, подбоченясь, будто на картинке —
 на страже города шестую сотню лет —
 знакомой башни виден силуэт —
 последнее пристанище Маринки.

А рядом Грановитая, Ямская,
 Семёновская, Спасской монолит
 и Погорелая.

И Бог их знает,
 какие тайны каждая хранит.

Они молчат. Им ход веков не важен.
 Пять сотен лет вздымает их земля.

Глядит История в бойницы старых башен,
 с высоких стен старинного кремля.

Роману Славацкому

(после прочтения книги сонетов «Город»)

Ах, как красиво звучит сонет,
 ах, как красиво!
 Не легковесно, конечно, нет,
 и не спесиво.
 Он соткан дивно из малых нот
 музыки славной.
 Героем главным в нём не народ,
 в нём Город — главный.

Церквей таинственный полумрак,
 святые камни,
 далёких предков седой очаг
 под пеплом давним,
 оконных планок резная вязь —
 очей отрада,
 старинный Кремль — как русский князь
 на страже града.

Хранит веками Святой Покров
 наш Город древний
 от посягательств лихих врагов,
 от всякой скверны.
 И полон Город святых примет
 Земле на диво.
 Ах, как красиво звучит сонет,
 ах, как красиво!

ЦИФРЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Тридцать семь. До обидного мало.
 Молодой и здоровый мужик.
 В тридцать семь его больше не стало.
 Тридцать семь.

Жизнь и смерть.

Краткий миг.

Перед боем писал, заклиная, —
 в алом зареве плавал зенит:
 «Ты дождись меня, слышишь, родная?»
 Пуля в сердце.

Мгновенье.

Убит.

Как же рано она поседела!
 А была молода — тридцать два.
 Так ждала! Так молилась! Прицела
 отвести

не сумела.

Вдова.

Той — двенадцать, а этой — пятнадцать.
 Жизнь в начале, едва прожита.
 Без отца в эти годы остаться
 довелось.

Как удар —

сирота!

Сорок третий — предвестник Победы.
 Он, дугою прочерченный год,
 похоронкой в щеколду ворот
 постучал...

Я

не видела

деда.

Только

Память

живёт.

Я ШЛА АХМАТОВСКОЙ ТРОПОЙ...

Я шла Ахматовской тропой —
 заросший парк и Храм в руинах.
 Июльский день тянулся длинно,
 закутанный в томящий зной.

А где-то за Москвой-рекой
 сверкали дальние зарницы.
 Листая прошлого страницы,
 я шла Ахматовской тропой.

И на пригорке старый дом —
 хранитель бытности ушедшей —
 и флёрдоранжа цвет поблекший
 напоминали о былом.

Усталый год тридцать шестой,
 присев на стареньком диване,
 воспоминания об Анне
 знакомой оживлял строкой.

О ней рассказывали мне
 со стен любительские фото:
 вот — на траве в пол-оборота,
 а это — в профиль на скамье.

Прошло совсем немного лет
 по меркам вечности беспечной,
 и живо помнит дом над речкой
 лица орлиный силуэт.

ОН ЖИЛ ПОБЛИЗОСТИ...

Константину Ваншенкину

Он жил поблизости.
Мы с ним встречались где-то.
Порой одними улицами шли.
Он был известным, признанным поэтом
одной шестой поверхности земли.

В семнадцать на порог военкомата
шагнул из школы — позвала страна.
Ушли в безмолвье павшие солдаты.
А он носить стеснялся ордена.

Он мог погибнуть тоже,
кануть в вечность.
Мог стать геологом.
Мог не писать стихов.
Но он писал.
Был с Музою повенчан.
И с нею разделил и жизнь, и кров.

Всё в жизни было — радости, невзгоды,
разлуки, встречи, люди, города.
Он знал, как провожают пароходы,
куда уходят рельсы в два ряда.

Он видел смерть,
но всё же год за годом
жил, не скупясь, пока хватало сил.
Лишь одного не смог принять — ухода
из жизни той, которую любил.

Хранила память образ одинокий —
в бескрайнем поле тонкий колосок.

И всё звучал тихонечко далёкий,
почти забытый старенький вальсок.

Стихи с грустинкой, но как много света!
Добро, конечно, побеждало зло...

Он жил поблизости.
Он просто был Поэтом.
Мы... просто жили рядом...
Повезло.

ОТКУДА РАСТУТ СТИХИ

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

А. Ахматова

Стихи растут из мелочи, из сора,
из лёгких полувзглядов, полуслов,
из шелухи пустого разговора,
из мимолётной призрачности снов.

Их к жизни вызывают ароматы
лугов, полей, лесного ветерка,
рассвета дымка, чувственность заката,
плывущие по небу облака.

На гумусе людских переживаний
они возрастают, рифмами шурша,
вбирая по крупице мир бескрайний.

Дурна ли жизнь, иль дивно хороша,
длинна ли, коротка — для них не важно.
Страстей, эмоций бешеный поток,
несущийся, бурлящий в венах строк —
так расцветает на листе бумажном
стихоТВОРЕНЬЯ пламенный цветок.

ВСЕГО ЛИШЬ ТРИДЦАТЬ

Сергею Есенину

Тридцать. Всего лишь тридцать
 песенно-звонких лет.
 Сердце устало биться.
 Яблонь истаял цвет.
 Жизни вино прогоркло.
 Горек её настой.
 И захлестнуло горло
 гибельною петлёй.
 Крик на губах безмолвный...
 Синь отцвела в глазах...
 Хмуро пихая волны,
 стыла Нева во льдах.
 Где вы, родные дали,
 вытканый цвет зари?
 Хрипло замок распялил
 ключ во входной двери.
 Больше не петть тальянке...
 Оборвалась строка...
 Словно птенца-подранка
 злая нашла рука...
 Тридцать. Всего лишь тридцать
 песенно-звонких лет.
 Памяти колесница
 в давнее тянет след.
 Прошлого не жалея,
 пряча в груди печаль,
 плачущих журавлей я
 вновь провожаю вдаль.
 И над озёрной синью,
 под синевой небес
 вижу его Россию —
 ситец берёз окрест,

осень кобылой рыжей
 ходит у кромки вод,
 кошка-заря на крыше,
 клён, словно страж ворот.
 Чуется дух бродяжий.
 И хулиганский свист
 ветер выводит ражий.
 Только...
 молчит
 скандалист.

Тридцать. Всего лишь тридцать
 песенно-звонких лет.
 Многому
 надо б
 сбыться.
 Но...
 Не случилось...
 Нет.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ЛЕТАЛЬНОГО ИСХОДА...

Я не люблю летального исхода
 ни в жизни, ни в романах, ни в стихах.
 Так почему живём мы впопыхах?
 На мелочи размениваем годы
 в погоне за бессмысленной мечтою
 иметь богатство, славу и чины.
 В итоге — упокойные псалмы,
 звучащие над маской восковой,
 да глины рукотворный камнепад,
 низвергнутый на бархатную крышку,
 когда смурной могильщик, «тяпнув лишку»,
 гвоздями заколотит дверь назад.

Иссякли силы. На исходе бой.
Противник твой силён, жесток, коварен.
Ты слишком долго спорила с судьбой.
Спор изначально был, увы, неравен.

И всё же ты боролась до конца,
отстаивая право жить святое.
Сошла улыбка с тонкого лица,
и взгляд исполнен мудрого покоя.

И светятся глаза, но неземным,
потусторонним, незнакомым светом.
Ты где-то там уже, куда иным,
не приобщившимся, дороги нету.

Уже случилось то, что суждено.
Уже не вместе мы, хотя и рядом.
В нездешнее распахнуто окно,
Ты мне шепнула: не грусти, не надо...

Расхристанный месяц, насмешливо скалясь,
болтался на небе оттенка индиго.
А звёзды лучистые в лужах купались,
и ветер куда-то бежал — торопыга —
по веткам деревьев,
швырял облаками
в хохочущий месяц, расплёскивал лужи.

Вот так же судьбина швыряется нами —
сегодня в фаворе, а завтра — не нужен.

УЖЕ

Ты говоришь «уже»?
Как безнадёжно
звучит короткое словцо.
Уже — и стало невозможным
увидеть милое лицо.
Уже — и отзвенела юность,
уже — накрыло сединой.
Уже — мы где-то разминулись,
и встрече не бывать.

Постой,
но лучше...
Согласись, ведь лучше,
когда «ещё», когда «пока».
Пусть через множество излучин
несёт нас времени река.
Нас встретят те, кто был нам дорог,
на том последнем рубеже...
Ну а пока — дорога в гору.
Не стоит говорить «уже».

Мне показалось — чувства отгорели,
быльём колючим поросла дорожка,
которой мы бродили по апрелю.
Мы там летать учились понемножку.

Потом рванулись и... порвали крылья.
И перестало быть доступным небо —
поникли крылья в тягостном бессилье.
Никто из нас с тех пор в полёте не был.

И вдруг сегодня распрямились плечи,
и зачесались яростно лопатки.
На крылья я поставила заплатки
и жду — с тобою встречи.

РЫЖИЙ ТРАМВАЙ

От остановки спелым апельсином
под горку рыжий катится трамвай,
заламывая лихо повороты,
отстукивая стыки, как по нотам,
подзор тумана зацепив за край.

И в серой безысходности туманной
с потёками холодного дождя
несётся он, приветственно гудя,
глаз радуя наружностью румяной,
раскрыв пантограф парусом объёмным
и ветер электрический ловя.

Бросается дворнягой неуёмной
под колесо промокшая земля.

ЮЛЕ*открытие параолимпиады 2014*

А голос так сверкал, взлетев под купол!
Переливался тысячами граней,
взмывал, метался, падал, сердце рая.
И слёзы сдерживать, конечно, было глупо
и бесполезно.

Ангел светлолицый
так дивно пел, так нежно, словно в сказке.
Он немощью прикован был к коляске,
но голосом свободен.

Вольной птицей
летел он к людям,
открывая душу,
сквозь стихнувшую гулкость стадиона.
Ему сердца внимали унисоном.
То пело счастье!

Просто счастье,
слушай...

Боль стучится в висок
мерно.
Ком стоит тошноты
в горле.
Голове и мозгам
скверно.
Ну а в общем-то всё
в норме.

Просто это с утра
буря
завихрилась, поймав
вспышку.
Солнце, яростный глаз
жмуря,
раскалило магнит
слишком.

Просто буря с тобой
схожа.
Ветер солнечный — твой
почерк.
Я пытаюсь понять:
что же
этой ты принесёшь
ночью?

Просто рядом с тобой
сложно.
Наши полюсы — плюс,
минус.

Просто... жить без тебя
невозможно...
Ты сегодня
опять
снилась.

Я устала от слов,
 объяснений, пустых обещаний.
 Я устала смотреть
 в замутнённые ложью глаза.
 Заблудилась любовь
 в тёмной чаще обид, умолчаний.
 Нам друг другу давно
 уже нечего больше сказать.
 Мы когда-то с тобой
 не могли надышаться друг другом.
 Шли по жизни вдвоём,
 и рука замирала в руке.
 А теперь вот бежим
 заколдованным призрачным кругом
 и не можем его
 разорвать на прощальном витке.
 Мы не в силах расстаться,
 и маяться нет больше мочи.
 Ты не хочешь уйти,
 ну а я отпустить не могу.
 Нас связали надёжно
 те давние дивные ночи,
 те слова, что писали
 на девственно чистом снегу.
 Я устала от слов.
 Нет, не тех, что писали когда-то —
 а сегодняшних, лишних,
 пустых, прикрывающих ложь.
 И, конечно, сама,
 как всегда, я во всём виновата...

Ну а ты, мой герой?
 Не поймёшь...
 Не простишь...
 Не уйдёшь...

Когда-нибудь в потоке серых буден
 ты вдруг невольно вспомнишь обо мне.
 Не знаю, будет день, иль вечер будет,
 иль ночь рассыплет звёзды при луне...

В ту ночь луна светила слишком ярко,
 нам и сердца, и головы вскружив.
 Свою любовь ты преподнёс подарком,
 обёртку блестящей ослепив.

Я приняла.

Поверила, конечно.
 Как было не поверить, не принять.
 Но чувства схлынули водою вешней,
 оставив лёгкой горечи печать
 на сердце.

Не сложилось...

Жаль...

И всё же
 расстались мы как добрые друзья.
 С тех пор по жизни ты идёшь прохожим,
 таким же одиноким, как и я.

И всё-таки я верю: встреча будет!
 При свете солнца или при луне.
 Когда-нибудь в потоке серых буден
 ты непременно вспомнишь обо мне.

НОЧЬ ДЛЯ ДВОИХ

Биение сердец срывалось в ночь.
В проём окна Медведица Большая,
не в силах любопытства превозмочь,
заглядывала.

Парусом вздымая
тугую занавеску на окне,
дул ветерок и гладил бархат кожи.
И не было на матушке-земле
счастливей тех двоих,
быть может,
в прекрасный миг слиянья душ и тел.

Забытая луна, оставшись не у дел,
бледнела, гасла,
стала чуть видна
за облачка прозрачною завесой.
Уж просыпалось солнышко за лесом.
А ночь ещё тянулась, грёз полна.

СЛУЧАЙНЫЙ КУРОРТНЫЙ РОМАН

Случайный курортный роман
под шёпот сочувственный сосен —
стекляшка, пустышка, обман.
И вот уже стылая осень,
прикрыв разноцветным шарфом
озябшие голые плечи,
в душе поселилась тайком.
Прощальный спускается вечер
и стелет холодный туман,
торопит часов вереницу...

Случайный курортный роман
последнюю пишет страницу.

ПОЛНОЧНАЯ КАРТИНКА

Абажуром очерчен полночный уют,
что-то глухо бормочет на полке приёмник.
Рыжей масти котяра — ворюга и плут —
по-хозяйски запрыгнул на подоконник.

За окошками дождь шебуршит, аки тать,
что крадётся во тьме под прикрытием ночи.
На широком столе — в полудрёме тетрадь,
на истёртых страницах —
разбросанность строчек.

Тихо возится кот, рыжий хвост теребя.
Липы тень за стеклом прихотливым ажуром.
Нам с котом хорошо, только жаль, что тебя
нет за этим столом под витым абажуром.

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Пылко пел о любви соловей.
Май сиреневый был на исходе.
И, в метельном кружась хороводе,
лепестки облетали с ветвей
старой яблони.

Дремлющий сад
озаряло ночное светило.
Как томилась душа, как молила...
Но звучали слова невпопад.
Нам никто был не в силах помочь —
мы расстались.

Быть может, напрасно.
А была так светла, так прекрасна
соловьиная майская ночь!

КАЛЕЙДОСКОП

Гребёнкой дождь прочёсывал кусты,
гигантскими скачками мерил поле,
потоком низвергался с высоты.

А ветер с силой, не давая воли,
толкал, мутузил, гнал куда-то вдаль
тяжёлую свинцовую завесу,
срывал с деревьев мокрую вуаль
и клочьями туман гонял над лесом.

А ветер рвал тугие облака,
давая солнцу выбраться наружу.
На миг светлела хмурая река,
и оживлялись на дороге лужи.

Дождь не сдавался, поливал сильней,
стучал, гудел на разные мотивы,
на пустоши спугнул табун коней
и гнал, хлестал, чесал и путал гривы.

И мчались кони гривами вразлёт,
почти как ветер, отставая малость,
вперёд, вперёд...
Вдруг резко — поворот...
А им вдогонку солнце улыбалось.

ЛИСТОПАД

Лист осенний ложится в ладонь,
как чужое письмо неоткрытое.
В нём, быть может, судьба позабытая —
закричит, замозжит, только тронь.
Лист осенний ложится в ладонь.

Лист осенний кружится в ночи,
словно чья-то душа позаблудшая.
Не досталась ей долюшка лучшая,
а до неба — кричи, не кричи...
Лист осенний кружится в ночи.

Лист осенний спускается в сад.
Стелит ветер ковры золотистые.
Их зима скоро выснежит, выстудит,
занесёт все дороги назад,
А пока — листопад...
Листопад...

БАБЬЕЛЕТНЕЕ

А болтливая сорока на хвосте
принесла нам целый ворох новостей.
Услыхала она где-то,
что настало бабье лето,
солнышком облитое,
росами умытое,
с золотой листвою,
свежестью ночною,
вечерами длинными,
бусами рябинными.
Собирайся поскорей.
В парке посреди аллей,
сентябрём согрето,
ждёт нас бабье лето.

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ

Ну что, подружка, погрузить с тобою
под сыплющийся, как из сита, дождь?
Снега́ накроют вскоре сединою.
Ты вслед за летом в прошлое уйдёшь.

Прости, подруга, горевать подолгу
я не привыкла, но, уж так и быть, —
вдвоём с тобой поплачем втихомолку
над непрым вопросом: «Как нам жить?»

Как жить, когда вдали исчезла юность
и отзвенела летняя пора?
Рябиной бабье лето полыхнуло
и отгорело.

Угольки костра
подёрнул пепел.
Нынче дождь, да слякоть,
да седины предзимний перемиёт.

А знаешь,
я не стану плакать.
Грядёт зима?
Да пусть себе грядёт!

УТРО В ТУМАНЕ

Туман забеливает воздух густо.
Высверкивает иней серебром,
когда фонарь подсвечивает тускло
газон, к дороге брошенный ковром.

Теснятся на шоссе автомобили —
Рвануть бы вдаль, да вот застряли тут.
Вороны на заборе приуныли.

Домашний мы забросили уют.
Считая и монетки, и минутки,
бежим, а утро косится смурно.
Сигналим на бегу, ловя маршрутку,
и плюхаемся в тёплое нутро.

Забыв на полчаса про все заботы,
мешая явь и сонных грёз дурман,
охваченные общею дремотой,
всё едем, едем...

А вокруг — туман.

Я стала забывать твои черты —
рисунок носа, губ, бровей изгибы.
Всё дальше от меня уходишь ты,
а мы прекрасной парой стать могли бы.

Но, видно, не судьба — нам быть вдвоём.
Мы не сумели сделать шаг навстречу.
Без нас тоскует одиноко вечер.
Прощально гаснет дальний окоём...

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

И снова грязь, и стынь, и лужи.
И солнце прячется с утра.
Февральский день совсем простужен.

Сугроба талого гора
коробит глаз налётом чёрным
и плачет тоненьким ручьём.
И дождик частый и проворный
бормочет тихо ни о чём.

Февральский день уныл и скучен.
Ну что предъявишь тут — больной.
И вдруг, о чудо, — солнца лучик
скользнул по капле дождевой.

Примолкли тучи виновато,
и лужам стало не до сна.
И ветерок шепнул крылатый:
Ну, улыбнись, идёт Весна!

В СТАРКАХ

Я шла Ахматовской тропой:
старинный парк, река, руины.
Июльский день тянулся длинно,
закутанный в томящий зной.
Далёкий год тридцать шестой
Старковской выстрелил строкой
и растворился, полный бед.
Лишь серой цапли силуэт,
так неизменно много лет
свой караулящей обед,
маячил над речной волной.

МЕЩЁРА

Поворот за поворотом.
Лес
всеми лапами в болото
влез.
Не болота — так озёра
всклянь.
Раскрасавица Мещёра,
глянь.
Белоозеро к дороге
встык.
Не сдержать в груди восторга
крик.
Ведь повсюду, куда взор
ни кинь,
вод и ветра разговор.
Синь.
Разговор за разговором —
песнь.
Говорит со мной Мещёра
здесь.

ВЕСЕННИЕ КАПРИЗЫ

Весну зовут капризною не зря.
Вот пошутила в первый день апреля —
развесила поутру втихаря
сосульки вместо бусинок капли.

Морозец лужи прихватил ледком,
снежок засыпал жухлые газоны.
И сдвинулось куда-то «на потом»
открытие цветочного сезона.

А крокусы так были хороши!
Мать-мачеха желтела на пригорке.
И верба, пурпур белым опушив,
готовилась к предпраздничной уборке.

Весна пришла так рано — на беду,
в нас пальцем наугад попав на карте.
когда же это было, чтобы в марте
уж отцвели подснежники в саду!

Щёки горят, разлохмачена чёлка,
а на коленке лиловый синяк.
Носится вихрем смешная девчонка,
и не угнаться за нею никак.

Весь её облик — порыв и движенье.
Устремлена она только вперёд.
Кажется жизнь ей большим приключеньем,
будто в бескрайнее завтра полёт.

В этой девчонке себя узнаю я —
хочется мир весь объять на бегу.
Жить тороплюсь. Жизнь не мыслю иную.
Только вот... детство догнать не могу.

Я в мир пришла с весенним свежим ветром
под шум ручьёв, под перестук капли
апрельским днём весёлым, звонким, светлым.

Мне птицы в небе здравицы пропели.
Кивнул подснежник нежною головкой,
качнула веткой тонкою рябина.
Лучами в форточку пробравшись ловко,
шепнуло солнце мне: «Привет, Галина».

С тех пор весны лукавой перезвоны
рождают в сердце смутную тревогу,
зовут нарушить бытности каноны,
куда-то манят вдаль...

К мечтам?

В дорогу?

И с мартовскими блудными котами
готова петь я радостно на крыше
о том, что жизнь прекрасна,
если сами
ещё поём мы, любим, верим, дышим.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

Больше всего на свете Семён Карпович любил деньги. Любовь эта была огромной, всепоглощающей, болезненной и, как ни странно, бескорыстной. Ничего от этих самых денег Семёну Карповичу не было нужно, только бы держать их в руках, гладить, рассматривать, любоваться, пересчитывать, перекладывать с места на место.

Жил он одиноко в старой родительской однокомнатной квартирке со старой родительской мебелью, сам штопал себе бельё, питался скудно, на развлечения деньги не тратил. Он вообще с деньгами расставался крайне неохотно и только в случае крайней необходимости. Несмотря на скудность рациона, а может быть, благодаря воздержанию, Семён Карпович был человеком вполне здоровым, хотя выглядел несколько болезненно из-за худобы и сутулости. Единственное, что периодически ухудшало его самочувствие — это необходимость расставаться с деньгами.

Работал Семён Карпович бухгалтером, профессию выбирал по любви — к деньгам, конечно. Женщины в бухгалтерии его жалели, считали больным и несчастным — собственно, так оно и было, — подкармливали. Семён Карпович от угощения никогда не отказывался, принимал с благодарностью, это позволяло не тратить лишней раз деньги на продукты. В общем-то, человек он был неплохой, незлобивый, работу свою знал и любил, всегда был готов прийти на помощь ближнему, если, конечно, эта помощь не требовала финансовых затрат.

В тот день после работы Семён Карпович зашёл в продуктовый магазин. Хочешь не хочешь, а продукты иногда покупать приходилось. Он стоял в очереди к кассе. Настроение было отвратительное, его знобило, ноги были ватными, сердце отчаянно колотилось. В кулаке был зажат рубль, с которым ему предстояло расстаться. Семён Карпович набрал продуктов на целых семьдесят копеек — при его экономии их должно было хватить примерно на неделю, но необходи-

мость разменять целый рубль вгоняла его в предынфарктное состояние.

Когда подошла его очередь, молоденькая кассирша с ехидной, как показалось Семёну Карповичу, улыбкой сообщила, что мелочи у неё нет, и предложила ему на сдачу лотерейный билет. Бедный Семён Карпович от такого предложения впал в ступор, стоял, тараща на девушку глаза, и только открывал и закрывал рот, как вытасченная из воды рыба, силясь что-то сказать.

Видя Семёна Карповича в таком состоянии и испугавшись, что того хватит удар, стоящий за ним в очереди Лёха — молодой здоровый краснощёкий парень, работающий в соседнем отделе, — быстро выгреб из кармана всю мелочь и высыпал на блюдечко перед кассиршей.

— Девушка, отпустите Семёна Карповича. Я возьму этот билет.

Кассирша, кокетливо улыбаясь из-под рыжей чёлки, пробила Лёхе чек и протянула его вместе с лотерейным билетом. Лёха сунул билет в карман куртки и тут же про него забыл.

Выйдя из магазина и отдышавшись, Семён Карпович испытал прилив сил и почувствовал огромную благодарность к Лёхе, хотя и осудил его за расточительность.

Прошёл месяц. Как-то Лёхе на глаза попала газета с розыгрышем, и он вспомнил про билет. Конечно, его номер ничего не выиграл, но Лёха совсем из-за такого пустяка не расстроился. В обеденный перерыв к нему заглянул приятель, увидел газету, у него тоже оказалось два лотерейных билета, и он тоже ничего не выиграл. За разговором, рассматривая газету и обсуждая чужие выигрыши, Лёха рассказал другу, каким образом у него оказался лотерейный билет, и как он героически спас Карпыча от сердечного приступа.

— Слушай, а давай скажем Карпычу, что этот билет выиграл, вот у него физиономия вытянется, — предложил приятель.

— Давай, а как? — загорелся Лёха.

— Легко!

Приятель очень аккуратно вырезал из колонки номер Лёхиного билета, наклеил его на то место, где красовался счастливый номер, на который выпал выигрыш автомобиля «Волга», и, чтобы место склеивания не было заметно, густо обвёл его ручкой. Потом друзья вырезали кусок газеты с якобы выигрышем, и Лёха потопал в бухгалтерию.

Семён Карпович благоденствовал после чашечки чая с брусничным вареньем и пирожком, которым его угостила добросердечная соседка-бухгалтерша. Тут в бухгалтерию ввалился Лёха, заполнив своей шкафообразной фигурой половину комнаты, положил на стол вырезку и пробастил:

— Семён Карпыч, поздравьте меня, я на ваш билет «Волгу» выиграл.

— К-как «Волгу»? — заикаясь, спросил Семён Карпович. Лицо его посерело, нос заострился, на лбу выступил холодный пот, глаза закатились. Он схватился за сердце...

Фельдшер скорой помощи диагностировал инфаркт.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

— Хочешь, расскажу тебе, как мы с кумом охотились? — мой собеседник хитро прищурился и погладил усы.

Ещё бы, конечно, хочу. Михалыч охотник и рыбак со стажем, человек бывалый, чего только с ним не приключалось, да и рассказывать он умеет.

— Ну, слушай. Пошли мы как-то с кумом на охоту. Часа три бродили, ни одной дичинки не увидели. В лесу уже темнеть стало: конец сентября — темнеет рано. Вышли из леса — перед нами овражек, а по дну то ли речушка, то ли ручей бежит. С нашей стороны берег низкий, пологий, с противоположной — повыше и покруче. В поле за овражком деревца молодые растут, кусты, а подальше лесок небольшой, и видно, как сумерки из него выползают, по полю стелются, кусты обволакивают.

Ну, думаем, раз дичи нет, то хоть передохнём немного у ручья. Только расположились, а они как полетят...

...Кто, кто — утки, конечно. Мы — за ружья — ба-бах, и оба попали.

...Что здо рово, здо рово? Попасть-то мы попали, да только утки упали в кусты за оврагом. А доставать как? Если по плотине обходить — долго, совсем темно станет, в темноте уток не найдём, через ручей лезть — вода холодная, не лето всё-таки.

Но кум мой долго раздумывать не любил, одежду всю скинул, патронташ — на шею, ружьё — в руки, и — в воду. Ручей перешёл да и рванул вверх по склону, видно, погреться хотел. Взлетел он на край оврага и вдруг замер. Ну и видок у него был! Представь — на краю оврага на полусогнутых ногах стоит совершенно голый мужик с открытым ртом и выпученными глазами, а на шее у него болтается патронташ, и ружьё в руках. Тело всё загорелое, и только нижняя часть спины резко белеет в сумерках, в глаза бросается.

В чём дело, думаю, что там приключилось? Пригляделся и обомлел — всего в нескольких метрах от моего скульптур-

но застывшего кума стоит здоровый лосяра и пристально так на кума смотрит. И кто его, этого лосяру, знает, о чём он думает и какие такие мысли в его огромной рогатой башке бродят. Я уже было за ружьё схватился, думаю — хоть припугну сохатого, но тут он вздохнул шумно, повернулся да в лес не спеша потопал.

...А что кум? Кум перестал из себя античную статую изображать и занялся делом — стал в кустах да в траве шарить, уток искать.

...Что? Нашёл, конечно. Чтобы кум да не нашёл, у него нюх был как у охотничьей собаки. Вернулся он тем же путём. Одежку натянул и давай прыгать, подскакивать — греться, значит. А сам зубами стучит, и не от холода, парень-то он закалённый был, а от переживаний — всё-таки не каждый день на тебя здоровые лоси с подозрением посматривают.

А потом ему этот лось несколько ночей подряд снился. Смотрел на него этак укоризненно, башкой рогатой качал и повторял:

— Не ходи больше на охоту, не ходи...

...Что — как? Ходил, конечно. Чтобы мой кум какого-то лося испугался... Мы с ним ещё не раз охотились, много разной дичи добыли.

Михалыч снова погладил усы и вздохнул:

— Царство ему небесное, хороший был охотник.

ПОЕЗДКА

Иван Акимович смотрел в окно и вспоминал. В последнее время воспоминания часто тревожили его. За окном проплывали знакомые с детства места — засыпанные снегом поля, рощицы, лесочки, придорожные деревни. Автобус катил плавно, в салоне было тепло, уютно. Народу немного, все постоянные пассажиры, все друг друга знали, примелькались уже, не один день ездили этим рейсом. Двое мужчин весело разговаривали, подначивали друг друга, шутили.

«Односельчане, — отметил Иван Акимович. — Выходят вместе со мной».

Иван Акимович смотрел в окно, а перед глазами рисовались картины давних послевоенных лет. Военные годы он помнил смутно, мал ещё был, помнил лишь постоянно мучившее его тогда чувство голода. Да ещё в отрывочных воспоминаниях тех лет почти не было мужских лиц, только лица стариков, женщин и детей. Зато послевоенные годы он помнил чётко. Помнил тяжёлую работу в колхозе от зари до зари на полях, на скотном дворе. Помнил пришедшие в упадок за время войны, постаревшие деревенские дома — некому было их подновлять. Помнил, как расстраивалась, хорошела на глазах деревня, веселели люди.

Вот и сейчас, глядя на красивые добротные дома, стоящие возле дороги, Иван Акимович радовался: хорошо стали жить люди, зажиточно.

Постепенно мысли Ивана Акимовича перешли на семейную колею. Вот и он вырастил дочь, и внучка у него есть, даст Бог — и правнуков понячнит. Дочь с внучкой и зятем живут в городе, хорошо живут, в достатке. Зять должность большую занимает. Квартира у них хорошая, машина, одежды, обуты, всё есть. Дочь с внучкой в норковых шубках щеголяют на зависть соседям. Зять — ничего, уважительный, когда приезжает, обязательно коньяк на стол ставит для

беседы и с ним — Иваном Акимовичем — подолгу обстоятельно разговаривает. Жаль, приезжает редко — работает много. Внучке тоже некогда — в какой-то фирме работает главным бухгалтером, говорит, что так загружена, что даже дома приходится работать. Что ж, может, оно и так. А вот дочка могла бы и приехать лишний раз, проведать их с матерью, не работает ведь, дома сидит. От города до деревни всего полчаса езды на автобусе. Говорит — некогда ей, занята, не успевает ничего. А чем занята, чего не успевает, сериалы смотреть не успевает?

Жена что-то прихварывать стала, да и он в последнее время неважно себя чувствует. Вот недавно инфаркт приключился, думал — не выкарабкаться уже, спасибо врачам — с того света достали. После инфаркта стал Иван Акимович часто и подолгу задумываться, прошлое вспоминать. И это прошлое становилось для него более реальным, чем настоящее. И выпадал тогда Иван Акимович из действительности, а когда приходил в себя, сразу не мог понять, где он и что с ним.

Автобус стоял на остановке уже две минуты. Весельчаки вышли. Зашли ещё пассажиры. Автобус тронулся. Кондуктор билечивала вошедших, что-то у них спрашивала, потом села на своё место.

Когда Иван Акимович очнулся, автобус выезжал за деревню, крайние дома быстро удалялись в заднем стекле.

«Ну вот, пропустил свою остановку, — подумал Иван Акимович. — Придётся теперь назад топать».

Он подошёл к кондуктору и спросил, остановят ли ему на следующей остановке.

— Обязательно, — ответила кондуктор. — Остановка по требованию, — и нажала кнопку. Автобус остановился, Иван Акимович поблагодарил и вышел. Кондуктор с любопытством посмотрела ему вслед.

«На кладбище, что ли, решил пойти, проведать кого? —

подумала она. — Больше здесь идти некуда».

Впрочем, она тут же о нём забыла.

Светило солнце, небольшой морозец бодрил, дорога была почищена, шагалось легко. Иван Акимович не торопился, часто отдыхал — после перенесённого инфаркта от самой небольшой нагрузки начиналась тахикардия и мучила одышка.

Дойдя до деревенской остановки, увидел жену, лицо её было встревожено.

— Господи, где ты был, что случилось?

— Да ничего страшного, остановку свою проехал.

— Как? Почему? Ты что, заснул? Тебе было плохо?

Иван Акимович неопределённо махнул рукой и пошёл к дому.

— Люся звонила, беспокоилась.

— Она только по телефону и беспокоится, — буркнул Иван Акимович.

Придя домой, он прилёг — всё-таки устал порядком — и уснул. Снилось ему родная деревня в цветущих садах, сам он — молодой и здоровый, красавица жена в подвенечном платье...

Людмила Ивановна, услышав от матери по телефону историю, приключившуюся с её отцом, тут же нарисовала себе душераздирающую картину: отцу стало плохо в автобусе, ну, или он просто задремал и очнулся, когда автобус тронулся с остановки. Он бросился к кондуктору с просьбой остановить автобус, но мерзкая баба и не подумала этого делать и провезла отца до следующей остановки, и ему пришлось добираться до дома пешком. Он старый, больной человек, он мог упасть и замёрзнуть в снегу, у него мог случиться приступ, в конце концов, его могла сбить машина. Что за бесчеловечное отношение к старым людям! Таких необходимо наказывать!

Мысль о том, что больного старика вообще нельзя отпу-

скать одного в поездки, и что ей как любящей дочери не мешало бы его в этих поездках сопровождать, как-то забыла прийти в голову Людмилы Ивановны.

Приехав в автоколонну, она разыскала отдел эксплуатации и выложила сотрудникам придуманную ею историю, комкая в руках платочек и вытирая слёзы. Её вежливо выслушали, рассказ записали и пообещали разобраться. Видя, что возмущаться вместе с ней действиями кондуктора никто не собирается, поднеся платочек к глазам и ещё раз повторив фразу о том, что надо быть человечными, Людмила Ивановна царственно удалилась.

Кондуктор искренне удивилась, узнав, в чём её обвиняют, в объяснительной записке она подробно описала то, что произошло в салоне автобуса в тот день. Инженер отдела эксплуатации позвонила Людмиле Ивановне и изложила своё видение ситуации. Оно, конечно, Людмилу Ивановну не удовлетворило. Она жаждала крови.

Вскоре на сайте администрации района появился материал, написанный со слов Людмилы Ивановны. Администрация района потребовала объяснений у руководства автоколонны. Руководство автоколонны ответило, что будет проведено служебное расследование.

Пока суть да дело, на сайте стали появляться отзывы и комментарии. Одни обвиняли водителя и кондуктора — все они сволочи, другие высказывались в их защиту, третьи ругали всех и вся. Четвёртые говорили, что старикам вообще нечего разъезжать в автобусах, дома надо сидеть на печке. Досталось и работникам автоколонны — деньги гребут почём зря, а сервиса никакого. В общем, разгорелся виртуальный скандал.

А Иван Акимович жил себе спокойно в своей деревне, занимался нехитрым домашним хозяйством — интернета у него, слава Богу, не было — и ничего не знал до тех пор,

пока не встретил в магазине своего давнего приятеля.

— Ну, ты, Акимыч, и волну нагнал!

— Какую волну, ты про что? — не понял Иван Акимович.

— Какую, какую — виртуальную, вся округа гудит. А ты что, не знаешь? Ну так пошли к моему Вовке, он покажет.

Вовка показал...

Как Иван Акимович дошёл до дома, он не помнил. Войдя в дом, он сел на первый попавшийся стул возле стола. В груди щемило. Он приподнялся, рука потянулась за лекарством, но на половине пути упала. Тело грузно осело на стул. Сердце остановилось.

СВЕТОЧКА

Светочка была тихой гадиной. Главным делом её жизни было говорить и делать гадости людям. Делала она их не по злобе, не корысти ради, а исключительно по душевной наклонности. Хотя корыстные мотивы всё же присутствовали: Светочка подпитывалась негативными эмоциями, которые вызывала у людей. Бывало, скажет какую-нибудь гадость, наклонит голову этак по-птичьи и смотрит на человека глазками-буравчиками в ожидании проявления эмоций — негодования, растерянности, злобы. И как только эти эмоции проявлялись, глазки-буравчики начинали оживлённо блестеть, и Светочка потирала руки от удовольствия. При этом она не выносила криков и грубости. И если обиженный ею человек начинал кричать, да ещё, не дай Бог, разражался нецензурной бранью, у Светочки дрожали губы, покрывалось пятнами лицо и закатывались глаза. Самые умные научились этим пользоваться, чтобы отвадить Светочку от своих кабинетов.

А ещё Светочка обожала жаловаться. Она постоянно кому-то на кого-то жаловалась, начальству — на сослуживцев, работникам прокуратуры — на начальство. Может быть, и выше жаловалась, очень может быть.

Светочку знали все. Её популярность распространялась до самых отдалённых уголков предприятия. Сотрудники, которые сидели с ней в одной комнате, её ненавидели, те, кто просто сталкивался с ней по работе, относились брезгливо, как к мерзкому насекомому, которое очень хочется раздавить, но противно прикоснуться, остальные — с любопытством.

Понятно, что от неё хотели избавиться все без исключения. Но случай всё не представлялся, и Светочка свободно плавала в океане негатива до тех пор, пока не грянула оптимизация, а попросту говоря, сокращение кадров.

Само собой разумеется, что Светочка вылетела с предприятия первой. Кому она только не жаловалась, куда толь-

ко не бегала, высшие инстанции решили, что всё законно, всё — по КЗОТу.

Светочка осталась без работы, а главное — без подпитки. Она пыталась устроиться то в одно место, то в другое, где-то даже её приняли временно, но познакомившись с ней поближе, поспешили от неё избавиться. У Светочки расстроилось здоровье, стало прихватывать сердечко. В конце концов она выхлопотала себе пенсию по инвалидности и больше устраиваться на работу не пыталась.

Не так давно я встретила её на автобусной остановке. Она бросилась ко мне и стала, по своему обыкновению, на что-то жаловаться. Несмотря на то, что отношение моё к ней оставляло, мягко говоря, желать лучшего, мне стало её жаль. Передо мной стояло какое-то потерянное, неряшливое, ноющее существо, в котором с трудом можно было узнать прежнюю, довольную жизнью и собой, Светочку.

К счастью, вскоре подошёл мой автобус. Светочка хватала меня за руки и что-то быстро говорила. Я проворно прыгнула в салон, пытаюсь избавиться от ощущения гадливости от её прикосновений. Автобус тронулся. Долго ещё в заднем стекле я видела несуразную тёмную фигурку. Потом она превратилась в маленькую точку и, наконец, пропала совсем.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПОРТРЕТЕ

Моему другу Денису Минаеву

Сразу хочу предупредить тебя, уважаемый читатель, что строчки, которые ты читаешь в этот момент, ни в коей мере не претендуют на какую-либо научность и не являются, упаси Господи, никаким литературным изысканием. Это всего лишь небольшое размышление на тему двух рассказов Чехова.

Есть у Антона Павловича два коротеньких рассказика, написанные в разные годы, но тем не менее соединённые одной маленькой деталью, а именно — упоминанием портрета моего знаменитого земляка Ивана Ивановича Лажечникова. Почему Антон Павлович вставил эту деталь в свои рассказы, и почему портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-нибудь другого известного писателя упоминается в них?

Так давай, друг мой читатель, поразмышляем с тобой на эту тему.

Вот эти два рассказа: «Невидимые миру слёзы», написанный Чеховым в 1884 году и впервые опубликованный 25 августа 1884 года в № 34 журнала «Осколки», и «Неудача», написанный в 1886 году и впервые опубликованный 11 января 1886 года в № 2 того же журнала под названием «Сорвалось!»

Как известно, Антон Павлович Чехов был большим мастером конструирования комических ситуаций. Благодаря этому его рассказы просто искрятся юмором, и читая их, совершенно невозможно удержаться от смеха. Достигал он комического эффекта самыми разнообразными приёмами, мы не будем рассматривать их все, они много раз описывались специалистами, остановимся только на тех, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего размышления.

Итак, открываем рассказ «Неудача»: молодой учитель объясняется в любви девушке, в этот момент её родители,

подслушивающие под дверью и мечтающие поскорее сбыть своё чадо с рук долой, врываются в комнату с образом в руках, чтобы благословить молодых. Бедный молодой человек понимает, что он погиб. Но, на его счастье, мамаша впопыхах схватила со стены вместо иконы портрет писателя Лажечникова. Родители стоят сконфуженные, учитель бежит.

Смешно? Очень. В чём же комичность ситуации? Как раз — в этом перепутывании. Но как можно перепутать портрет с образом? Нет, конечно, если бы действие происходило в двадцатом веке, этому можно было не удивляться: на стенах квартир советских интеллигентов висели картины с иконами вперемежку, но представить себе, что в девятнадцатом веке в мещанском или купеческом доме светские портреты находились рядом с иконами, просто невозможно. В этом рассказе Чехов являет себя мастером создания правдоподобных ситуаций, заметь, читатель — правдоподобных, а не правдивых. И в этом ему помогает портрет Ивана Ивановича Лажечникова, помещённый фантазией писателя в совершенно неподходящее для него место.

А вот и второй рассказ — «Невидимые миру слёзы». *«...Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами».* И снова в описании интерьера зала присутствует портрет писателя Лажечникова, причём наряду с репродукцией, видами Венеции и портретом безымянного, зато с удивлёнными глазами, генерала.

А затем подвыпившие гости в ожидании позднего ужина, глядя на портреты, заводят разговор: *«Гости стояли перед изображением генерала, глядели на его удивлённые глаза и решали вопрос: кто старше — генерал или писатель Лажечников? Двоеточиев держал сторону Лажечникова, напирая на бессмертие, Пружинский же говорил:*

— Писатель-то он, положим, хороший, спору нет... и смешно пишет и жалостно, а отправка его на войну, так

он там и с ротой не справится; а генералу хоть целый корпус давай, так ничего...»

Абсолютно бессмысленный разговор, пьяный бред, а как смешно... И здесь, и в первом отрывке Чехов применяет приём соединения несоединяемого, или смешения разнородных признаков — портрет какого-то генерала с очень удивлёнными глазами, или рассуждение о старшинстве — один напирает на бессмертие, а второй — на умение командовать. В результате получается очень комично.

И снова портрет Ивана Ивановича Лажечникова помогает автору создать комическую ситуацию в рассказе.

Так почему же всё-таки Чехов вставил в свои рассказы портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-то другого известного или знаменитого писателя?

Да потому, что в те годы имя «русского Вальтера Скотта» гремело по всей России и было у всех на слуху, его знали и в столицах, и в захолустье, романами Лажечникова зачитывались, и не одна столичная или уездная барышня проливала горькие слёзы над трагической историей любви Вольтынского и Мариорицы.

Знаменитый критик Виссарион Григорьевич Белинский высоко ценил дарование Лажечникова. После выхода романа «Ледяной дом» он назвал автора «лучшим русским романистом».

Александр Сергеевич Пушкин в своём письме к Ивану Ивановичу от третьего ноября 1835 года пишет: «...многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык».

Когда в 1858 году в Россию приехал Александр Дюма, он перевёл на французский язык, кроме стихов некоторых русских поэтов, и «Ледяной дом» Лажечникова.

Известный литературовед-пушкинист Борис Львович Модзалевский в своей работе «Пушкин и Лажечников», опубликованной в 1925 году, писал: «Лажечников должен считаться родоначальником русского исторического романа; в этом отношении он занимает почётное место в истории

нашей словесности, и имя его может быть поставлено наряду с Пушкиным, если последнего считать родоначальником нашего художественного романа. Успех в современном ему образованном обществе романы Лажечникова имели чрезвычайный, по выражению одного критика — жгучий, — и похвала Пушкина, высказанная по адресу романов Лажечникова, не фраза; их долго читали и перечитывали с наслаждением; поэтому прав был Лонгинов (известный библиограф), когда говорил, что имя Лажечникова «не умрёт в летописях нашей литературы, в которые навсегда занесены: «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман»».

И неудивительно, что имя генерала на портрете в квартире Ребротёсовых никто не знает, а то, что портрет именно писателя Лажечникова, ни у кого не вызывает сомнения.

Наконец, именно в 1884 году сочинения Ивана Ивановича Лажечникова были переизданы в очередной раз.

Но, наверное, утомила я тебя, мой читатель, своими рассуждениями. Давай-ка лучше перечитаем ещё раз рассказы Антона Павловича Чехова да посмеёмся вместе с ним над незадачливыми его героями.

А что касается моего земляка Ивана Ивановича Лажечникова, то я горжусь тем, что не только жизнь свою положил он на алтарь Просвещения, но и после смерти литературными трудами своими и чеховскими рассказами, пусть даже в образе своего портрета, продолжает он служить Её Величеству Русской Литературе.

Содержание:

Е. Кирсанов. Поэзия точного зрения	3
А. Курганов. Жить по совести, или О простоте ответов	4

Стихи

МОЕЙ БАБУШКЕ	7
ПАМЯТЬ	8
<i>«Тихо снег засыпает...»</i>	9
НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ	10
ОФИЦЕРУ РАЗВЕДКИ	11
В КОЛОМЕНСКОМ КРЕМЛЕ	12
<i>«Ах, как красиво звучит сонет...»</i>	13
ЦИФРЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО	14
Я ШЛА АХМАТОВСКОЙ ТРОПОЙ...	15
ОН ЖИЛ ПОБЛИЗОСТИ...	16
ОТКУДА РАСТУТ СТИХИ.	17
ВСЕГО ЛИШЬ ТРИДЦАТЬ	18
Я НЕ ЛЮБЛЮ ЛЕТАЛЬНОГО ИСХОДА...	19
<i>«Иссякли силы. На исходе бой...»</i>	20
<i>«Расхристанный месяц, насмешливо скалясь...»</i>	20
УЖЕ	21
<i>«Мне показалось – чувства отгорели...»</i>	21
РЫЖИЙ ТРАМВАЙ	22
ЮЛЕ	22
<i>«Боль стучится в висок...»</i>	23
<i>«Я устала от слов...»</i>	24
<i>«Когда-нибудь в потоке серых буден...»</i>	25
НОЧЬ ДЛЯ ДВОИХ	26
СЛУЧАЙНЫЙ КУРОРТНЫЙ РОМАН.	26
ПОЛНОЧНАЯ КАРТИНКА	27
СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ	27
КАЛЕЙДОСКОП	28
ЛИСТОПАД	29
БАБЬЕЛЕТНЕЕ	29

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ	30
УТРО В ТУМАНЕ	31
<i>«Я стала забывать твои черты...»</i>	31
ЗИМНЯЯ СИРЕНЬ	32
ЛИРИЧЕСКОЕ СЛЯКОТНОЕ	33
КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ	34
В СТАРКАХ	34
МЕЩЁРА	35
ВЕСЕННИЕ КАПРИЗЫ	36
<i>«Щёки горят, разломачена чёлка...»</i>	36
<i>«Я в мир пришла с весенним свежим ветром...»</i>	37

Рассказы

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ	38
НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА	41
ПОЕЗДКА	43
СВЕТОЧКА	48

Эссе

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПОРТРЕТЕ	50
------------------------------	----

Галина Валентиновна Самусенко

ПОД СЕНЬЮ СТАРЫХ БАШЕН

Стихотворения и рассказы

Редактор:
Член СП России
С.С. Антипов

Дизайн обложки:
Д.В. Минаев

Корректор:
П.О. Громова

Компьютерная вёрстка:
А.А. Минаева

ООО Издательство «Серебро Слово»

Телефон: 8(926) 433-33-99 **E-mail:** serebro.slova@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 20.03.15

Формат 60x90/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.

Гарнитура BalticaС. Тираж 500 экз. Заказ № 333

Отпечатано в ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»

140200, Московская область,

г.Воскресенск, ул.Вокзальная, 30

E-mail: vosprint@mail.ru Тел: 8(496) 442-45-42